

Садова Т. С., Руднев Д. В.¹
Sadova T. S., Rudnev D. V.

**РОЛЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДОПРОСОВ
 (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»)**

**ROLE-PLAYING STRATEGIES OF LITERARY INTERROGATIONS
 (ON THE MATERIAL OF CHEKHOV'S STORY «DRAMA ON THE HUNT»)**

В статье рассматривается допросный и квазидопросный дискурс в рассказе А. П. Чехова «Драма на охоте» с учетом сложной композиции произведения — рассказ в рассказе — и с позиции ролевых стратегий основных героев, участников допросов.

Ключевые слова: литературный допрос, ролевые стратегии, языковая личность.

The article discusses the interrogation and quasi-interrogation discourse in the A.P. Chekhov's story «Drama on the Hunt», taking into account the complex composition of the work — a story in the story — and from the position of role-playing strategies of the main characters, the participants of the interrogations.

Keywords: literary interrogation, role-playing strategies, language personality.

Русская классическая литература полна сюжетов, которые в самом общем виде можно отнести к «юридическому дискурсу». Герои русских произведений часто участвуют в различного свойства разбирательствах: доказывают свою невиновность и признаются в содеянном, выступают свидетелями-обвинителями и защищают справедливость, причем не только в судах, но и в обыденном общении.

При всей художественности и естественной для литературного произведения идейно-эстетической нагруженности этих сцен, многие из них интересно рассмотреть с точки зрения тех ролевых стратегий, которые демонстрируют персонажи в точном соответствии с задачами общения и жанровой природой текста, вовлеченного в «правовое общение». Одним из актуальнейших жанров в этом отношении следует считать допрос, «получение (в определенном законом

¹ САДОВА Татьяна Семеновна, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

SADOVA Tatyana Semenovna, Professor of the Russian Language Department at St. Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor.

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, доцент.

RUDNEV Dmitry V., Associate Professor of the Russian Language Department, St. Petersburg State University, Doctor of Philology, Associate Professor.

порядке) уполномоченным должностным лицом <...> информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, от указанных в законе лиц»².

Материалом для рассмотрения способов реализации различных типов речевых стратегий, выпукло представленных в литературном допросном дискурсе, послужил рассказ А. П. Чехова «Драма на охоте». Рассмотрены финальные части этого рассказа, где появляются разные типы допроса — без протокола, в момент обыденного общения, а также с соблюдением жестких рамок и правил жанра.

По сюжету некто Сергей Петрович Камышев, судебный следователь в отставке, приносит в редакцию газеты повесть «Драма на охоте», которая представляет собой воспоминания судебного следователя С. Зиновьева (как оказалось, самого Камышева) о трагедии, случившейся на охоте, а именно — убийстве Ольги Николаевны Урбениной (Скворцовой). Зиновьев, от имени которого идет повествование, выполняет — по долгу службы — свои профессиональные обязанности и учиняет допрос своим знакомым, ставшим свидетелями убийства.

С точки зрения композиции текста, «Драма» построена по принципу «сюжет в сюжете»: рассказ об убийстве Оленьки Скворцовой (Урбениной) встроен в другой, обрамляющий сюжет — о посещении Камышевым редакции и о том, как редактор по прочтении повести разгадывает («поймал секрет за хвост») тайну ее автора: убийцей Оленьки является сам Камышев-Зиновьев, а муж Ольги Николаевны, Петр Егорович Урбенин, осужденный за это убийство, невиновен и погиб на каторге по сфальсифицированным уликам. Таким образом, Зиновьев-Камышев одновременно выступает в качестве следователя и преступника, а написанный им рассказ — это сочетание допроса и квазидопроса.

Сердцевина чеховского рассказа — ролевая игра Камышева, его способность вести допрос и подводить допрашиваемого к необходимому для него результату. Основная коммуникативная задача допроса — получение объективной информации — заменена иной: Камышев выстраивает дознание так, чтобы спровоцировать Урбенина к показаниям против себя, максимально при этом выгораживая истинного преступника, судебного следователя Зиновьева.

Примечательно, что именно редактор, специалист в области художественного слова, сумел «раскрыть преступление», опираясь лишь на текст, на первый взгляд, ничего обвинительного против Камышева не содержащий. Однако реплика редактора о том, что Камышев, «умный и опытный юрист», ведет следствие, которое «напоминает письмо, нарочно писанное с грамматическими ошибками», говорит о существенном значении не только самих действий, предпринимаемых убийцей, чтобы отвести от себя подозрение, но и слов, избираемых автором повести для изображения этого следствия. «Утрировка выдает вас», — говорит редактор изумленному Камышеву, которого не смогли уличить в этом ни его

² Юридическая энциклопедия / Ред. М. Ю. Тихомиров. М., 2005. С. 114.

коллеги-следователи, ни — тем более — обыватели селения, где разворачиваются события.

Рассмотрим способы речевой «утрировки», которые стали очевидны редактору газеты и которые реализуют речевую стратегию ухода от ответственности за содеянное.

1. Допрос умирающей Ольги, которую уже соборовали и минуты жизни которой сочтены, «опытный» Камышев начинает — как будто — весьма корректно и максимально официально, несмотря на близкие отношения, которые их связывали прежде и о которых, конечно, знали присутствующие. Потому врач спешит и требует вопросов «по существу»:

Я — Зиновьев, следователь... <...> Если помните, я присутствовал на охоте... Как вы себя чувствуете?

— Задавайте вопросы по существу! — шепнул мне земский врач. — Я не ручаюсь, что сознание будет продолжительно...

— Прошу, пожалуйста, не учить! — обиделся я. — Я знаю, что мне говорить...

Намеренное затягивание допроса при очевидных обстоятельствах — первое, что настораживает редактора при знакомстве с рукописью повести. Кроме того, допрос происходит в устной форме, без фиксации в протоколе, поэтому намеренное деловое представление следователя и заботливое «Как вы себя чувствуете» — это явно избыточные этикетные клише в такой ситуации, если цель допроса — выяснить истинное положение дел.

Далее в допросе происходит подмена слова, для Камышева весьма ловкая, но редактор наверняка обратил внимание и на это.

Описывая сцену на охоте, Зиновьев-Камышев дважды употребляет глагол «добить», говоря о птице (кулике), которая кем-то подбита и мучится в агонии: — *Неужели вы, женщина, в состоянии равнодушно созерцать мучения этого кулика? Чем глядеть, как он корчится, вы бы лучше приказали его **добить**. <...> — Какая перемена!* — сказал я, поднимая ягдташ и **добивая** кулика.

При допросе умирающая героиня спешит сказать: — *И ты... и ты... **убил***. Следователь «помогая <ей> вспомнить» последовательность событий, продолжает: — *Кулика? После того, как я **добил** подстреленного кулика, вы поморщились и удалились от компании...*

Совершенно очевидно, что замена слов здесь весьма показательна: как правило, о птице не говорят «убить» (чаще — «подстрелить» или «подбить»), тем более, семантически однокоренные глаголы «убить» и «добить» существенно различны: первый означает ‘лишить жизни’³; второй — ‘убить того, кто ранен, подстрелен’⁴. Однако «добить» — также дважды — появляется в самом финале рассказа Чехова,

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 819.

⁴ Там же. С. 172.

когда Камышев сознается в убийстве Ольги: — *Злоба моя достигла максимума... Ну... и добил ее... Взял и добил...*

«Утрировка», по словам редактора, заметна в допросе Ольги и в том, что Камышев — как будто — настойчиво и многословно уговаривает ее «выдать имя злодея», не забывая при этом напомнить о своем официальном статусе и рассказывая умирающей о тех наказаниях, которые ожидают убийцу: — *Теперь потрудитесь собрать все свои силы, поработать памятью. В лесу во время прогулки вы потерпели нападение от неизвестного нам лица. Спрашиваю вас как судебный следователь, это кто был? <...> Он понесет тяжелую кару... Закон дорого взыщет за его зверство! Он пойдет в каторжные работы...*

Это избыточное многословие у постели едва живой женщины, намеренная стилизация под «детские уговоры» — явно продуманная стратегия по затягиванию самого процесса добывания информации; пафосное, а потому банальное перечисление «кар» обращено не столько к Ольге, едва дышащей, сколько к тем, кто находился в одной комнате с допрашиваемой. Неслучайно Камышев постоянно употребляет «мы» в своих вопросах: «назовите **нам**», «неизвестное **нам** лицо», а затем подчеркивает: — *Здесь, кроме меня, трое...*

Все усилия следователя направлены на «впечатление», о чем прямо заявляет редактор: окружающие должны впечатлиться его заботливостью и умением «помочь» умирающей вспомнить все в подробностях (зачем?), а Ольга — его «жертвенной» готовностью к каре и наказанию, решишь она назвать его имя. Грубая и ясная утрировка налицо.

2. Совершенно иной стратегии придерживается Камышев в допросе Петра Егоровича Урбенина, максимально подходящего в убийцы Ольги: ревность, месть стареющего мужа за измену, беспробудное пьянство. Во-первых, допрос происходит максимально официально — под протокол: с вопросами о полном имени, возрасте, роде занятий, вероисповедании и т. д. Во-вторых, содержательные вопросы — «по существу дела» — избираются из разряда самых острых, неприятных для Урбенина: о побоях Ольги, о ее изменах, о последней встрече с женой в лесу.

Зиновьеву-Камышеву важно продемонстрировать «официальное следствие», при котором так часто используется апелляция к опыту юридических разбирательств вообще. «Профессиональное» недоверие к показаниям подследственного маркируется стереотипной формулой «прекрасно / недурно / хорошо придумано»: — *Все это прекрасно придумано, Петр Егорыч, — сказал я. — Но знаете ли, следователи плохо верят в такие редкие случайности, как совпадение убийства с вашей случайной прогулкой и проч. Придумано недурно, но объясняет очень мало.*

Неслучайно доверчивый Урбенин тут же реагирует на это «придуманно» эмоциональной тирадой о том, что его нельзя подозревать, потому что Зиновьев хорошо его знает, на что получает ответ от официального лица, а не от Сергея

Петровича Зиновьева, знающего его долгие годы: — *Я вас знаю — это так... но мои личные мнения тут ни при чем... Личные мнения закон предоставляет только одним присяжным заседателям, в распоряжение же следователя отданы одни только улики... Улик много, Петр Егорыч.*

Апелляция к опыту, корпоративным стереотипам, создающим иллюзию «профессионального знания», умение строить асимметричный диалог на оппозиции «официальное общение» — «бытовое общение», в которой «официальное» заведомо доминирует, — все используется Зиновьевым-Камышевым для ошеломления допрашиваемого, потери им ясности и логичности в доводах оправдания. Первый же допрос завершается категоричным заявлением следователя, на которое он вряд ли имеет право в самом начале следственных мероприятий: — *Что Ольга Николаевна убита вами, я убежден... Больше я вам сегодня ничего не скажу...*

Роль строгого, опытного и всезнающего судебного следователя сыграна Зиновьевым-Камышевым, по словам редактора, «безобразно». Вообще слова «роль», «игра», «актерство» — ключевые в понимании того рода события, которое описано Камышевым в повести, принесенной в газету для публикации. Ряд значений термина «драма», вынесенного в заглавие и повести Камышева, и рассказа Чехова, — ‘род поэзии’, ‘пьеса’, ‘тяжелое событие’⁵ — также определяет театральное поведение героев повести, что часто подчеркивается в тексте репликами героев: — *Я это объясняю тем, что вы забыли свою роль. Трудно ведь долго актерствовать: или роль забудешь, или надоест; <...> В романе провалились, да и сейчас плохо актерствуете; Сегодня ты, Алексей, выглядываешь идеальным кадрилищиком!*

Художественный текст часто сохраняет типичные речевые стратегии, применяемые людьми в той или иной (часто экстремальной) ситуации, причем более выпукло и более ясно, чем это случается в реальности. В произведении Чехова интересно сближается работа редактора и следователя: применяемый редактором герменевтический метод изучения текста рукописи Зиновьева-Камышева имеет много общего с работой следователя.

Анализ языковой личности текстов допроса является актуальной задачей юрислингвистики в связи с проблемой их фальсификации⁶. Если рассмотреть «Драму на охоте» как своеобразный текст допроса свидетеля, то редактор, подобно юрислингвисту, выполнил анализ языковой личности его автора Зиновьева-Камышева, выступившего в этом «допросе» в различных ипостасях: как случайный

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 182.

⁶ См.: Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–163.

свидетель и участник событий, как следователь и как преступник — и попытавшегося максимально скрыть свою последнюю ипостась среди остальных.

Список литературы:

1. *Абрамкина Е. Е.* Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1990.
3. Юридическая энциклопедия / Ред. М. Ю. Тихомиров. М., 2005.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

ДОПРОС В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

**Материалы
Всероссийского круглого стола
30 ноября – 1 декабря 2018 года**

Санкт-Петербург
2019

УДК 340
ББК 67.5
Д 68

Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Сост. К. Б. Калиновский, Л. А. Зашляпин. СПб.: ИД «Петрополис», 2019, 138 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам допроса в аспекте уголовного процесса, юридической лингвистики, криминалистики. В материалы включены тексты статей участников Всероссийского круглого стола «Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике», прошедшего в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) 30 ноября – 1 декабря 2018.

Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемными вопросами юридической лингвистики, уголовного процесса, криминалистики.

ISBN 978-5-9676-1034-9

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия», 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Международная ассоциация содействия правосудию
(МАСП / IUAJ), 2019
© ИД «Петрополис», 2019